

АЛЕКСЕЙ МОРОЗОВ

«Я БЫ ХОТЕЛ, ЧТОБЫ
РУССКИЙ МИР ЗАЯВИЛ
О СЕБЕ ВО ВСЕХ СТРАНАХ,
ГДЕ ЖИВУТ РУССКИЕ»

Накануне открытия Третьей Ассамблеи Русского мира исполнительный директор фонда «Русский мир» Вячеслав Алексеевич Никонов рассказал журналу «Русский мир.ru» об итогах деятельности за истекший период и о планах фонда на будущее.

Вячеслав Алексеевич, в этом году проходит уже третья Ассамблея Русского мира.

Пожалуй, отличие нынешнего года состоит прежде всего в том, что он – год кризисный. Как это отразилось на работе фонда «Русский мир», в частности на темпах открытия Русских центров по всему миру? Этих центров сейчас, как мы знаем, насчитывается уже 40.

– Конечно, в какой-то степени отразилось. Прежде всего через девальвацию рубля. Фонду удалось отстоять бюджет, несмотря на кризисный год, что я считаю одним из важнейших достижений – это было непросто. Здесь я хотел бы выразить благодарность большому числу представителей правительства, Государственной думы, которые приняли самое непосредственное участие в судьбе фонда, помогли отстоять бюджетные позиции.

Но спастись от девальвации рубля все равно было невозможно, поскольку большая часть затрат фонда осуществляется в валюте, так что падение курса рубля сказало на наших возможностях. Но, в общем, кризис, если считать, что мы его уже прошли, для фонда был не очень болезненным. Практически мы не снижали темпов открытия центров Русского мира, но нам в какой-то степени пришлось сократить расходы на грантовую деятельность, поскольку она во многом осуществляется в валюте.

В целом я считаю, что кризис мы прошли достаточно успешно. Повторяю – если он уже действительно закончился.

– По поводу грантов. Для России, когда фонд только образовывался, это было совершенно новое направление. То есть частные структуры это практиковали, но государственные в общем-то не занимались этим вовсе. Тем не менее, насколько можно наблюдать, в том числе изнутри фонда, не без проблем проходит согласование всех бюрократических вопросов. Российское законодательство не очень заточено – это мягко говоря – под такую деятельность. Масса вопросов просто препятствует деятельности фонда и, по большому счету, работает против России и ее образа за рубежом.

– Проблема в том, что в своей грантовой деятельности фонд во многом идет по правовой целине. До сих пор, согласно букве российского законодательства, гранты – это то, что приходит в Российскую Федерацию извне. Законодательство писалось в памятные 90-е годы, когда многочисленные зарубежные организации поддерживали те или иные российские структуры. Под грантом понималось именно это. Поэтому правовое регулирование подобной деятельности минимальное, мы основываемся в своей работе на той части Гражданского кодекса, которая относится к пожертвованиям. Так что правовая база не разработана.

Здесь действительно много спорных вопросов. Порой приходится слышать замечания, что процедура представления отчетности по грантам чрезмерно забюрократизирована. В чем-то я соглашусь, хотя никто не может нам четко сказать, насколько достаточно или недостаточно

на та информация, которую требует фонд по поводу предоставления грантов. Мы это выясняем путем проб и ошибок. В то же время я не могу сказать, что по характеру запрашиваемой документации мы сильно отличаемся от иностранных структур, выдающих гранты. Вовсе, наоборот, грант-менеджеры нашего фонда пришли к нам на работу из зарубежных фондов. И они могут сравнивать. Так вот, подобные сравнения показывают, что различий не так уж много.

– Если судить по этим же бюрократическим параметрам, насколько трудно работать, скажем, со странами СНГ и странами дальнего зарубежья?

– Вообще сложно работать с Русским миром. Потому что он довольно неформализованный и не очень привык действовать в рамках какой-то бюджетной отчетности. Очень много «импрессионизма».

– Ну, это и его сильная черта, наверное...

– ...И любая бюрократия в Русском мире как таковая вызывает острое чувство протеста, поэтому, думаю, оно общее для всех стран, где Русский мир существует. Я не вижу большой концептуальной разницы между странами СНГ или странами европейскими. В европейских организациях, если это организации с определенной историей, проблем, связанных с нашей бюрократией, не возникает. Потому что они знают, что нужно, а что не нужно. Другое дело, когда наши грант-менеджеры требуют документы, которые в соответствующей стране обычно не спрашивают и там просто не знают,

что это такое. Так что каждый случай в отдельной стране, конечно, уникален. Мы накапливаем опыт, надо учитывать специфику каждой страны, законодательство каждой страны. Более того, мы подписываем порой договоры, основанные на законодательстве других стран, а не только Российской Федерации, потому что некоторые вопросы либо вообще не регулируются нашим законодательством, либо гораздо лучше регулируются законодательством других стран.

— Часто ли приходится сталкиваться со случаями политической напряженности в отношении деятельности фонда, когда кто-нибудь видит за этим «руку Москвы»?

— Конечно, с этим приходится сталкиваться. Когда мы направили предложение об открытии нашего центра одному из уважаемых японских университетов, то получили

учающих русский язык хотя бы на постсоветском пространстве — уже позади? Спад замедлился, прекратился или, наоборот, уже наблюдается повышение интереса к русскому языку, появление новых точек роста интереса к нему?

— Спад, безусловно, преодолен. С начала этого десятилетия наблюдается рост интереса к русскому языку, который сопровождается ростом российской экономики и восстановление Россией своих позиций на международной арене.

Речь идет не только о бывшем Советском Союзе. Можно говорить о мире в целом. В странах СНГ, за исключением, пожалуй, лишь Украины и в какой-то степени Молдавии и Грузии, во всех остальных странах за последние годы было очевидное прогрессивное изменение в числе людей, изучающих русский язык, и в плане возобновления интереса к русскому язы-

— В Китае пока не сумасшедшие цифры. Но, естественно, если брать рост, то он действительно сумасшедший. Это рост в разы числа студентов, изучающих русский язык. Но даже если мы возьмем страны Запада, то закрытие кафедр русистики, сворачивание программ изучения России, которое наблюдалось повсеместно в 90-е годы, — всё это, конечно, прекратилось. Число студентов, специализирующихся на России, растет практически во всех странах.

Но есть и большие зияющие лакуны, где русский язык изучается плохо. Сейчас, естественно, это африканские, латиноамериканские страны. Там проблем много.

— В этой связи как «Русский мир» будет — и будет ли — модифицировать свою деятельность, в том числе грантовую, будет ли сделан акцент на разработке дистанционных программ по изучению русского языка?

— Мы создаем дистанционные программы. В том числе некоторые из них можно использовать, выходя на сайт «Русского мира». Мы поддерживаем разные программы для онлайн-обучения русскому языку. Но это далеко не единственное направление нашей работы. Есть и поддержка национальных усилий, усилий отдельных государств власти развития системы школ, где преподавание ведется на русском языке или преподается русский язык. С той же Киргизией мы сотрудничаем не только по созданию учебника русского языка для киргизских школ, но и, возможно, по изданию этих учебников. С Монголией достигнуты договоренности о том, что мы возьмем на себя подготовку линейки учебников русского языка для монгольских школ. На самом деле фонд своими грантами никогда не может заменить национальную систему образования.

Еще одно направление, на мой взгляд, перспективное, важное, которому мы будем уделять большое внимание, хотя это и очень не просто, — развитие сети русских школ там, где их просто нет.

— Причем удивительно, что их нет даже в тех странах, где существен-

Сложно работать с Русским миром.

Он довольно неформализованный

и не очень привык действовать

в рамках бюджетной отчетности.

Очень много «импрессионизма».

ответ, в котором был перечень адресованных нам вопросов, и первый из них звучал так: сколько сотрудников КГБ будет работать в этом центре? Поэтому говорить о том, что никакой настороженности нет, ни в коем случае нельзя. При этом ведь хорошо известно, что никто из собственно сотрудников фонда работать в этом центре не будет. Там работают представители самого университета, которых руководит этот университет сам назначит на эту работу.

Да, есть, конечно, известные опасения в некоторых странах. Но надо сказать, что это небольшая группа стран, которые в общем-то понятны. Это страны, где распространение русского языка рассматривается как угроза национальным интересам.

— Как раз вопрос по поводу русского языка. Можно ли сказать, что постсоветский кризис спада интереса к русскому языку, падение числа из-

учающих русский язык в школах. Так, в Казахстане все изучают русский язык в школах. В Киргизии принято решение о заметном увеличении преподавания русского языка. В Армении введена норма, согласно которой знание русского языка является обязательным для поступления в вузы Армении. Это всё новое.

Если мы рассмотрим бывшие страны так называемого социалистического лагеря, то там был катастрофический спад интереса к русскому языку в 90-е годы. Например, в Польше русский язык стал шестнадцатым по изучению в учебных заведениях, в Болгарии — четырнадцатым. И в Болгарии, и в Польше он сейчас второй. В Монголии в этом году уже принято решение о том, что русский язык в перспективе будет обязательным для изучения в школах, с седьмого по одиннадцатый класс.

— В Китае — Год русского языка. Там вообще сумасшедшие цифры.

ные русские диаспоры, – в Черногории или Испании.

– Именно так. Это сопряжено с целым рядом проблем и финансового, и организационного, и содержательного свойства. Проблема первая заключается в том, что такого рода деятельность должна лицензироваться. В странах Европейского союза, например, должна быть лицензия на преподавание.

Вторая проблема – проблема помещений для этих школ. Это действительно большие затраты.

Третья проблема – учебники для этих школ, которые должны соответствовать нормам соответствующих стран или нормам Европейского союза. Просто учебники из Москвы для этой цели не годятся. Далеко не всегда годятся.

Четвертое – проблема диплома. Родители, отдавая детей в школу, всегда прежде всего исходят из того, какой диплом получит ребенок и что он будет с ним делать. Можно ли с этим дипломом поступить в Оксфорд или в МГУ или этот диплом потребует еще какого-то подтверждения.

Если эти проблемы все вместе решены, тогда возможно открытие школ. К тому же значительная часть русскоязычной диаспоры располагает достаточными средствами, чтобы отправлять детей в частные школы. Но интерес к этому есть. И есть интересные примеры. Так, я не столь давно ознакомился с работой школы, которая действует по принципу пансиона, интерната, если хотите, на Мальте. Там уже двенадцать лет реально функционирует школа, имея лицензию Европейского союза, выдает дипломы, которые подтверждаются Министерством образования Российской Федерации. Проблема в том, что детей в этом году заставили ехать в Москву – сдавать ЕГЭ. Что создало довольно большую проблему.

– За свой счет?

– Естественно. Но это школа, в которой учатся русскоязычные дети из самых разных стран: грубо говоря, узбеки из Франции или украинцы из Италии и так далее. Иными словами, опыт есть, и я считаю,

что его нужно распространять. Это очень важное направление.

В сентябре этого года в Вене проходил семинар, во многом посвященный проблемам русскоязычного образования, где мы презентовали линейку учебников для первого класса, которые уже применимы в школах Европейского союза, отвечают всем европейским нормам – от цветности до количества часов на те или иные предметы. Так что работа начата, и она будет продолжена. Без этого трудно делать следующие шаги. Интерес к созданию таких школ есть, он растет, и диаспоры проявляют все большую активность в этом вопросе. На семинаре в Вене принимали участие представители 27 стран.

– Следующий год будет годом 65-летия победы в Великой Отечественной войне. Фонд «Русский мир» собирается участвовать в подготовке

– Имеется в виду – инициированные нашими соотечественниками?

– Да. Но также и проекты, инициированные не обязательно соотечественниками, но людьми, которые чувствуют свою причастность к этой победе и относят себя к этому широкому понятию – «Русский мир».

Кроме того, мы не исключаем просто поддержки отдельных инициатив организаций, граждан, которые так или иначе откликнутся на юбилей в тех странах, где они проживают.

– Последний вопрос: каким бы вы видели фонд «Русский мир» и его деятельность лет через десять?

– Я бы хотел, чтобы фонд «Русский мир» заявил о себе во всех без исключения странах земного шара, где живут русские, русскоязычные, где изучается Россия. Для этого, конечно, фонд должен иметь

Еще одно направление, перспективное,

важное, которому мы будем

уделять большое внимание,

хотя это и очень непросто, – развитие

сети русских школ там, где их просто нет.

этого юбилея. На чем были сделаны акценты?

– Прежде всего мы инициируем собственную программу, связанную с сохранением памяти о Второй мировой войне, о Великой Отечественной войне в зарубежных странах. Огромное число наших соотечественников, которые сейчас проживают в разных уголках земного шара, хранят память об этих событиях. Там находится большое количество артефактов – от памятников до фронтовых писем. Нужно вспомнить все это, создать базу данных, вспомнить каждого. Это было бы очень важной программой, и мы постараемся эту программу развернуть в преддверии 65-й годовщины великой Победы. Это также позволит выявить и разного рода интересные проекты, которые могут быть поддержаны фондом. Проекты, связанные именно с сохранением памяти...

уже достаточную материальную базу, быть инициатором развития сети школ, которые существуют во всем мире, иметь центры во всех крупнейших университетах земного шара, во всех крупнейших библиотеках и большую сеть соратников, сторонников во всем мире, объединенную огромной, глобальной социальной сетью в Интернете.

И, конечно, хотелось бы, чтобы к тому времени бюджет фонда «Русский мир» немного приблизился к бюджету крупных и уважаемых фондов, которые работают на этом поле в Великобритании или Германии. Сегодня British Council, выполняющий аналогичные функции, имеет бюджет приблизительно в пятьдесят раз больше, чем бюджет фонда «Русский мир» при сопоставимых размерах экономики России и Великобритании. 🇷🇺

Беседовал Георгий Бовт